

«Так темна ураганная ночь...»

С казахского.
Перевод
А. Парщикова

Три объемистых машинописных тома стихов, поэм и статей Магжана Жумабаева на протяжении пятидесяти лет тайно передаются из рук в руки, перепечатываются, заучиваются наизусть уже вторым, а то и третьим поколением казахских читателей. Его произведения популярны среди казахов Монголии, Синьцзяна, Турции. Стихи его, переложенные на музыку неизвестными композиторами, поются как народные песни. Магжан Жумабаев, как и Шакерим (1858 — 1931) и Султанмахмуд (1893 — 1920), относится к послебаевской плеяде талантливых поэтов Казахстана, но русскому читателю он неизвестен, и потому я уверен,

что любители поэзии будут благодарны журналу «Дружба народов» за эту первую публикацию стихов поэта на русском языке. А о трагической судьбе поэта и о том, каков был путь к этой публикации, рассказано в письме (оно приводится ниже) народного писателя Башкирии Сайфи Кудаша, агрессивном бывшему члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаеву и бывшему первому секретарю Башкирского ОК партии М. З. Шакирову еще в 1969 году. Копия этого письма в свое время попала и в мои руки. Кунаев и Шакиров не ответили на письмо Сайфи Кудаша. На него ответило Время.

АНУАР АЛИМЖАНОВ

Жизнь

Туча к туче, черная как вакса,
гром гремит, вселяя страх: молчи!
Небосвод пригнулся и напрягся,
хлещут воздух молнии-бичи.

Все взлохматил ураган в округе,
сверху льется черная вода.
Все живое бежит в испуге,
прячется повсюду кто куда.

Только вдруг из области заочной
вышел свет, а страх пропал
во мне.

Снова солнце озарило почвы,
временно сокрытые во тьме.

Золотые облака разъяты.
Там, где ветер выл, покой повис.
Нежные простые ароматы.
Пенье птиц связует верх и низ.

Плыли тучи, и дожди стучали.
А теперь иная полоса.
Если мы устали от печали,
душу просветляют небеса.

Ураганная ночь

Так темна ураганная ночь в золотой степи,
только смерть заключает в себе молодой простор.
Огонек над свечой она мнет, но не ей спать
этот миг, что со светом на месте пропал с тех пор.

Тяжелеет тьма в сгустившихся облаках
и свирепо мечется ураган,
благодарен я мигу света в слабых руках,
слабой свечке, чей свет в темноте моргал.

Будет долго она пылать, если повезет,
эта малость огня, восхищающий душу риск,
как небесный свод, открывающий горизонт,
я Луну еще назову, вспомню солнечный диск.

Но слабеющий луч ее не заметят те,
чье довольное око чужого света неймет.
Стыньте все, кто пресытился, в темноте!
Есть душа, что свечу в ураган найдет!

Бабочка

На свече без оглядки
бьется лета лоскут,
не считая остатки
учащенных секунд,

так медлительно странствие
над свечою, но — ах! —
и частичка пространства
обращается в прах.

Вы, избранники судеб,
пощадите крыла,
злата кто не добудет,
не сходите с ума.

Путь поспешный бесславлен,
очевидное — плен.
Вместо золота — саван
ты получишь взамен.

Берниязу

...погиб в крови,
и успокоилась душа беспокойного.

Жизнь — степь, и в ней поэт — ребенок,
и душа блуждать ему велит.
Словно шелест пенистых оборок,
жизнь его займет и усыпит.

Старика тоскливые советы
мне напоминают океан,
в глубине скрывающий предметы,
о которых смутный образ дан.

А на дне Дарьи есть шесть десятков
белых юрт на золотых шестах,
шелковые пологи и гладкий
голос — баю-баю на устах.

Там сомнамбулические орды —
в седлах колыхающийся хор,
смехом колдовским заводят воды,
пена — как стада сбегает с гор.

День ли, ночь, — не помню, все возможно...
но сошлись здесь вечные враги,
замерли в молчании осторожном,
став на расстоянии руки.

Жизнь и смерть — два полюса бескрайних,
оба повстречались на меже.

И явился им на поле брани
юный воин с пламенем в душе.

Он увидел зло и в том и в этом,
две огромных цели для свинца.
Только отскочила рикошетом
пуля и убила молодца.

Два врага свидетелями были,
как судьба себя нашла сама.
— Одержим,— со смехом говорили,—
или вовсе выжил из ума.

Не пугайся мыслей ядовитых,
ты воспой печаль свою, но так,
чтобы тайны сами на орбитах
выплыли к тебе, рассеяв мрак.

Жизнь и смерть в борьбе непримиримы.
Только песнь роднит их, только стих,
надо, прежде чем сразиться с ними,
петь, созвучьем связывая их.

Я жалею о судьбе поспешной,
в мире многое сближало нас.
Ты — поэт блуждающий и грешный,
в будущее шел ты и — погас.

Публикация стихов ЗУЛЕЙХИ ЖУМАБАЕВОЙ

О СУДЬБЕ КАЗАХСКОГО ПОЭТА МАГЖАНА ЖУМАБАЕВА
ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КП КАЗАХСКОЙ ССР Д. А. КУНАЕВУ

Первая копия:

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ БАШКИРСКОГО ОК КПСС М. З. ШАКИРОВУ

Вторая копия:

ПРАВЛЕНИЮ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА

Уважаемый Динмухамет Ахметович!

Это письмо к Вам вызвано тем, что в последнее время в общественном мнении Казахстана определились разные, диаметрально противоположные точки зрения на творчество и политический облик казахского поэта Магжана Жумабаева. В 1929—1937 гг. М. Жумабаев был дважды репрессирован. В 1960 г. он был реабилитирован.

В ноябре 1968 г. в Казахском университете состоялось собрание, участники которого обратились с просьбой в соответствующие организации республики издать двухтомник произведений М. Жумабаева. Однако, как мне стало известно, ЦК КП Каз. ССР квалифицировало это собрание как политическую ошибку на том основании, что М. Жумабаев является выходцем из байской семьи, националистом, символистом, пессимистом и поэтом-мистиком. В определенной степени такая оценка затрагивает и меня, т. к. в своей книге «По следам юности» (Москва. 1968) я дважды упоминаю его имя (первый раз в связи с тем, что в 1909—1910 гг. М. Жумабаев учился в медресе «Галия» в г. Уфе, второй раз — в связи с выходом в 1912 г. в Казани первого сборника его стихов «Шолпан»).

Таким образом, с одной стороны, М. Жумабаев реабилитирован и, следовательно, общественность закономерно стремится воскресить свой интерес к его творчеству, с другой — эта реабилитация оказывается по существу неполной, лишь гражданской, но не политической (хотя в моем представлении трудно расчленить эти моменты).

Печатается с сокращениями.

Зная Вашу занятость, но в то же время рассчитывая на традиционное внимание наших партийных лидеров к судьбам литературы (которая является частью дела нашей партии), я решил написать Вам это, может быть, длинное письмо, в котором постарался изложить все то, что я на этот счет думаю. Прошу Вас не расценивать это письмо как попытку каким-то образом повлиять на «дела писательские». Вовсе нет. Дело в том, что я уверен в чрезвычайной сложности судьбы Жумабаева М., его творчества и, может быть, Вам будет небезынтересно узнать размышления 75-летнего человека и писателя, который был свидетелем многих событий, о которых современное поколение знает только по книгам. К тому же Казахстан — моя вторая родина, я пережил там «свои университеты». Поэтому мне очень дорога казахская литература и дороги люди, которые ее создавали и развивают сегодня.

Магжан Жумабаев как писатель, а также его мировоззрение формировались в период после революции 1905 года. В то время на волне развивающегося казахского национально-революционного движения и в условиях роста казахской буржуазно-демократической культуры шел процесс становления целой плеяды казахских интеллигентов. Социальный состав, так же как и политические взгляды этой группы деятелей культуры литературы и просвещения, был довольно сложным. В их мировоззрении устойчивым и четким было лишь одно: страстное желание свободы, счастья и культуры своему народу. Однако в понимании сущности этой «свободы», в выборе путей борьбы за освобождение своего народа от национально-колониального и социального гнета, от темноты, безграмотности и невежества не было у них ни ясности, ни тем более сколько-нибудь четкого классового подхода. Едва ли можно удивляться сегодня тому, что из этой среды, с одной стороны, вышли деятели, которые сразу или постепенно вставали на ленинские позиции и именами которых сейчас гордится казахский народ; с другой — люди, которые примкнули к буржуазным националистам и до конца оставались на враждебной Советской власти платформе. Октябрьская революция с ее предельно четкими лозунгами и принципами поляризовала и дифференцировала прежде аморфные социальные силы. На разные стороны баррикад встали представители национальной интеллигенции, еще недавно солидарные в своих просветительских устремлениях. В то же время очень многие представители национальной интеллигенции прошли тернистый путь сомнений, колебаний и ошибок, прежде чем прочно и окончательно утвердились в социалистическом мировоззрении. Эти сложные моменты должны быть, кажется, исходными при анализе деятельности людей эпохи революций, гражданской войны и первых лет Советской власти и особенно тогда, когда мы боремся за такое ответственное и деликатное дело, как общая политическая и гражданская оценка крупных писателей и других деятелей. Здесь мы ответственны не только перед памятью умерших или погибших, но и перед судом истории.

Сейчас эти вещи, кажется, понимают все или почти все. Говорю «почти», т. к. у нас временами приходится сталкиваться с такой оценкой литературных фактов или литературных деятелей, которые выдержаны в духе печальных времен «Пролеткульта» и РАППа.

М. Жумабаева я считал и считаю одним из наиболее своеобразных и больших мастеров стиха; в этом плане он достойный преемник Абая.

В то же время в нем, как в капле воды, отразилась вся сложность эпохи, в которой он формировался, жил, работал и трагически погиб. Любая попытка дать однозначную оценку творчеству М. Жумабаева — возвысить ли его до уровня борца-революционера или, напротив, принизить до уровня врага Советской власти и казахского народа — является вульгарной примитивизацией нашей истории и во втором случае — безответственным нигилизмом в отношении нашего культурного наследия. Такие оценки могут появиться только в том случае, если полностью абстрагироваться от реальной исторической обстановки в Казахстане в первой четверти XX века или если оставаться, как некогда активные деятели «Пролеткульта» и РАППа, последовательным приверженцем вульгарного социологизма в трактовке фактов и событий из истории национальных литератур.

Есть два периода в жизни Магжана: первый, когда он был алаш-ордынцем, второй — на службе советской культуре. Если взвесить и сопоставить эти два периода его жизни, то, мне кажется, вклад М. Жумабаева в казахскую советскую культуру неизмеримо весомее его ошибок. Вспомним, что он первым перевел на казахский язык

«Историю коммунистической партии», книгу «Маркс и Ленин», произведения В. И. Ленина «Парижская коммуна», «Девятое января». Едва ли можно переоценить эту его заслугу перед казахским народом. Много он сделал для просвещения казахов: его перу принадлежит несколько учебников для казахских школ; им переведены в 1924 г. на казахский язык произведения М. Горького, опубликованные под общим названием «Песня о Соколе», Мамина-Сибиряка, В. Иванова и др. русских писателей. Если даже не принимать в расчет его поэтическое наследие, которое в период после гражданской войны, за известным исключением, безусловно в идейном и тем более в художественном отношении, — сделанного им достаточно, чтобы помнить и уважать имя Магжана Жумабаева.

Каков Магжан Жумабаев как поэт и человек? Это — своеобразный, самобытный и очень талантливый поэт. Он имеет только ему присущий слог, удивительную напевность, истоки которой в глубинах народной поэзии.

На протяжении всей своей трудной жизни М. Жумабаев работал. Возможно, он делал меньше, чем ему позволяли силы и талант, но и в этом виноват не только он. После установления Советской власти он пребывал в некоторой нерешительности, но недолго. Вскоре он работает редактором в Москве, в центральном издательстве. Затем учится в высшем литературном институте, один из профессоров которого называет его «Киргизским Пушкиным». В те годы он работает над учебниками для казахских школ, переводами произведений В. И. Ленина, русских писателей. Все это позволяет самому Жумабаеву постепенно избавляться от противоречий и колебаний в своих взглядах, все глубже и прочнее воспринимать марксистско-ленинское мировоззрение. К сожалению, этот процесс проходит мимо внимания руководителей Каз. АППа. Даже замечательное его стихотворение «Токсанны тобы», опубликованное в 1927 г. в органе ЦК КП Казахстана «Инбекши казах», было воспринято ими как «приспособленчество» и «маневр». Между тем из глубины сердца и с выстраданной искренностью М. Жумабаев говорил в этом стихотворении: «В прошлом, когда над всеми народами восходило яркое солнце, я ошибся. Однако я ошибся, служа своей отчизне. Я не поехал на съезд Алаш-орды, я не участвовал в его работе. Я, подобно некоторым, не ходил в адъютантах у руководителей Алаша. Я осознал, что партия Алаш не нужна казахскому народу. Теперь я увидел своими глазами и понял, что лишь Коммунистическая партия может правильно решить судьбу казахского народа. Если Коммунистическая партия представляет 90 процентов народа, Алаш — всего 10. Я защищаю 90, потому что, всей душой отдавшись, служу Советской власти» (смысловой перевод). Разве это не похоже на исповедь? Но ему не поверили. Почему? Трудно сказать, но, кажется, не последнее значение имели личная неприязнь, месть и ложно понятые принципы классовой борьбы. Так или иначе, в 1929 г. он был арестован; Магжан все же оказался в ответе за ошибки более чем десятилетней давности и к тому же искренне честным и плодотворным трудом.

Осужденный на 10 лет, он пребывает в лагерях и лесах Карелии. И здесь он честно трудится, сначала учителем, затем начальником объединенной санчасти нескольких лагерей. Он с помощью жены получает вузовские учебники по медицине и самостоятельно приступает к врачебному образованию. В 1935 г. при помощи М. Горького его освобождают. Магжан возвращается в г. Петропавловск, и на первых порах ему оказывает дружескую поддержку (в т. ч. материальную) С. Сейфуллин. В Петропавловске Жумабаев работает преподавателем в техникуме. Здесь он встречается с С. Мукановым — одним из руководителей казахстанской писательской организации — и после разговора с ним пишет заявление с просьбой принять его в Союз советских писателей. В заявлении он пишет: «От чистого сердца буду служить советской литературе». В ответ С. Муканов пишет достаточно вежливое, но в такой же степени формальное письмо, в котором сообщает, что вопрос о принятии Жумабаева в ССП может быть рассмотрен, когда появятся новые его произведения. В том же письме, правда, сообщалось, что условия для творческой работы ему будут созданы.

Дальнейшая судьба Магжана Жумабаева очень неясна, туманна, и, я бы сказал, завершается она довольно странно. Вскоре вновь начинаются упреки и обвинения Жумабаева в старых грехах. Из техникума его увольняют как «неблагонадежного». Он идет работать в школу, но вскоре «алаш-ордынца» выгоняют и оттуда. Он решает переехать в Алма-Ату, поближе к творческим организациям, и поступает там работать в краеведческий музей. Но оставался он там недолго; не успел он привыкнуть к новой работе, как его вновь увольняют. Не рассчитывая устроиться в Алма-Ате, он от-

правляется зав. медпунктом в один из колхозов Алма-Атинского района. Но вести о «неблагонадежности» доходят и сюда, и он лишается работы. И все это на протяжении одного—полтора лет. Не похоже ли это на чью-то злую волю? Весьма похоже. Но, несмотря на свое положение и, надо полагать, смятенное душевное состояние, он пишет стихи «Джамбулу». «Девяносто девять», «К перу моему». Только мужественный человек, уверенно избравший свой жизненный путь, мог в таких условиях создать эти произведения. Но где же они? Они были переданы руководителям Казахского Союза писателей, но они гибнут где-то в недрах Союза, представители которого в 1935 г. столь щедро обещали Магжану поддержку. Травля, гонения, издевательства со стороны наследников Каз. АППА принимают такие формы, что М. Жумабаев пытается покончить самоубийством и только случайно остается живым. 30 декабря 1937 его вновь арестовывают. Аресту, по рассказам его жены, предшествовали вызовы в НКВД, глубокие раздумья Магжана и бессонные ночи, попытки по телефону о чем-то поговорить с одним впоследствии очень крупным казахским писателем — тоже бывшим алашординцем. Уходя навсегда из дома, арестованный М. Жумабаев уже у двери сказал больной жене: «Я не прощаюсь. Ведь даже сам бог не карает дважды за один и тот же грех. Ты знаешь сама, что никакого преступления против Советской власти и казахского народа я не совершил. Однако если я не вернусь, то поймешь, что «волчонок» съел «волчицу». Запомни это!» С тех пор Магжан Жумабаев исчез навсегда. Все же он дважды пострадал за ошибки молодости, ошибки, в которых в одинаковой степени были виноваты и он, и история. Такова была судьба «волчицы». А «волчонок»? Кем бы он ни был и как бы впоследствии он ни старался еще более опорочить М. Жумабаева, в этой истории для нас ясно одно: второй арест Магжана, по крайней мере не в последнюю очередь, обусловлен тем недоверием и борьбой, которые имели место в казахской писательской среде.

Как-то в беседе один из казахских писателей сказал мне: «Ведь в те годы стоял вопрос — кто кого? Одни выиграли, другие — проиграли». Если даже есть правда в этом пинизме, я, несмотря на свои 75 лет и жизненный опыт, не могу спокойно воспринимать и вспоминать эти события. Справедливость, я уверен, в том, что М. Жумабаев должен быть реабилитирован полностью: как гражданин и как поэт.

В заключение я хочу объяснить непосредственные причины, побудившие меня взяться за перо и писать это письмо. вместо того чтобы оставшиеся скромные силы использовать для реализации творческих замыслов, которых у меня, как и у всякого писателя, немало.

Прежде всего меня побудили к этому мои друзья-казахи. Сама жизнь с ее постоянно обновляющимися тенденциями развития, большая переписка, из которой я узнаю думы и чаяния моих коллег, встречи и беседы с ними убедили меня в том, что я далеко не одинок в своей оценке творчества Жумабаева и его судьбы.

Впервые о М. Жумабаеве я услышал от покойного профессора Исмагамбета Исмаилова в 1964 г. По его мнению, М. Жумабаев и его творчество являются позитивским мостом между Абаем и современной казахской поэзией. Эта очень высокая оценка была дана еще Г. Ибрагимовым который не случайно избрал эпиграфом для своего классического романа «Казашка» следующие замечательные строки из стихотворения Жумабаева «Луне» (1911):

Ты видишь простор бесконечный степной,
Как шалью покрытый беспечной гравой.
Здесь горы до неба, медовые реки
Я сын твой отчизна, рожденный тобой.

Профессор назвал две причины, которые являются, по его мнению, препятствием к переизданию произведений Магжана. Первая — личные враги Жумабаева, оказавшиеся теперь в довольно неудобном положении. Раньше они «разоблачали» поэта, а ныне стоят перед дилеммой — или честно исправить перегибы, допущенные в прошлом, или же проявить «принципиальность», «последовательность» и настаивать на старой оценке поэта. Некоторые люди выбрали второе и свой ложно понятый престиж поставили выше престижа казахской литературы.

Другая причина сводится к тому, что разные группы писателей далеко не по творческим соображениям придерживаются различных, диаметрально противоположных точек зрения в оценке творчества Жумабаева. Я не хотел бы называть это групповщиной; слишком неприятно само слово, но все же нечто похожее, кажется, имело и имеет место среди казахских писателей. Известно, что, когда идет подспудная борь-

ба, традиционное соперничество, в качестве предмета спора, предмета дискуссии может оказаться что угодно, даже судьба отдельных писателей. Так и случилось с Магжаном Жумабаевым. Одна группа писателей, составляющая, на мой взгляд, большинство, за то, чтобы возродить творчество Магжана и заполнить пробел в истории казахской литературы, другая отстаивает старые позиции. К моему сожалению (и, откровенно говоря, удивлению), эту позицию отстаивает и Сабит Муканов. Впрочем, позицию Муканова трудно назвать последовательной. В своей книге «Казахская литература XX века» он дает весьма высокую оценку Жумабаеву-поэту. «Абай — акын ума, — пишет Муканов, — Магжан — акын акынов. Однако Магжан как акын сильнее Абая. Нам нужно учиться у Магжана». Несколько лет назад во время встречи в Кустанае С. Муканов приятно поразил меня и татарского поэта Хасана Туфана великолепным знанием стихов Магжана. Он подтвердил высокую оценку творчества Жумабаева. Однако в издании произведений Магжана он, как мне кажется, занял отрицательную позицию и на мой письменный вопрос по этому поводу прислал весьма неопределенный, я бы сказал, аллегорический ответ (что-то в том духе, что у М. Жумабаева сейчас нет пастухов). Аллегория, если я правильно понял письмо С. Муканова, состоит в том, что у М. Жумабаева сейчас нет достаточно сильных и влиятельных покровителей, которые бы смели отстоять его наследие. Однако я очень надеюсь, что неправильно понял аллгорию моего друга С. Муканова. Мне кажется, что С. Муканов достаточно авторитетный защитник наследия казахской литературы и любимого им поэта М. Жумабаева.

Как и у всякого писателя, у меня большая переписка. С выходом книги «По следам юности» я получил десятки писем из Казахстана: Алма-Аты, Караганды, Кустаная, Семипалатинска и др. городов. Пишут писатели, критики, просто читатели. Во многих письмах говорится о поэзии М. Жумабаева. Ни один из моих корреспондентов не сказал что-либо против творчества Магжана. Напротив, вполне отдавая отчет в сложности судьбы и творческого пути писателя, помня его ошибки, они подчеркивают богатство и зрелость поэзии Жумабаева, свежесть, несмотря на годы, многих его стихов, поразительную силу его строк об освобождении казахской женщины, воспевание свободы и т. д.

Нет, конечно, возможности и необходимости цитировать эти письма. Но они, так же как и мои встречи со многими представителями казахской литературы и культуры, говорят о том, что возвращение поэтического творчества Жумабаева казахской и всей советской литературе — желание и стремление многих и многих людей.

Есть еще одна причина, которая побудила меня взяться за перо. Размышляя о судьбах литературы, я все чаще прихожу к выводу о том, что в отношении к культурному наследию все же у разных народов наблюдаются некоторые различия. Чем богаче культурное наследие народа, тем заботливее и бережнее он к нему относится, тем внимательнее судит он о сыновьях, которые хоть чем-то обогатили сокровищницу культуры. И, напротив, чем скромнее культурное наследие, тем как-то беззаботнее это отношение, тем подчас легче забываются люди, стоявшие даже у истоков рождающейся литературы. Может быть, я ошибаюсь, но вот некоторые примеры. Не надо доказывать, насколько богата русская литература. А ведь только в последние годы она воскресила имена многих писателей, даже не столь блестящих, как М. Жумабаев. Стоит перелистать новое издание «Литературной энциклопедии», чтобы убедиться в этом. Ранее забытые имена Клычкова, Ключева, Вольнова, не говоря уже о более известных писателях, нашли в ней отражение и достойную характеристику. А казахская литература отворачивается от замечательной поэзии Жумабаева. И единственный повод к этому — националистические ошибки поэта.

Но разве наши собратья по перу из русской литературы не ошибались? В 1917 г. сбились с пути не только политически не подкованные стригунки казахской литературы, вроде Магжана, но и многоопытные аргамки русской литературы. Разве мало русских писателей даже покинуло свою советскую родину и вело с ней идеологическую борьбу? Вспомним имена Бунина, Куприна, Г. Иванова, Бальмонта и др. Среди них какое-то время был и А. Толстой. Сейчас дана объективная оценка их творчеству и жизни, со всеми сложностями и изгибами. Все они заняли соответствующее место в истории русской литературы, и, кажется, никто не собирается (да это и невозможно) вычеркнуть их из этой истории. А зачем же обеднять казахскую литературу и выбрасывать из нее творчество Магжана? Ведь М. Жумабаев не эмигрировал за границу, как Куприн, Мережковский и многие другие, не писал ничего, что было бы направ-

лено непосредственно против Советской власти. А между тем Бунина, Куприна и многих других эмигрантов издают массовым тиражом, а М. Жумабаев практически под запретом. Заботливое ли это отношение к нашему наследию?

Мне, немолодому и немало повидавшему человеку, можно, очевидно, откровенно сказать, что одну из причин такого отношения к Магжану, мешающую объективно оценивать его творчество, я вижу в пережитках соперничества и «родовых» противоречий, которые все еще имеют место среди казахских писателей. К сожалению, это не одна интуиция; об этом откровенно пишут мне сами казахские коллеги. «Лишь пережитки групповщины, царящие среди казахских писателей,— пишет один из ведущих казахских писателей, считающий Магжана одним из литературных учителей,— не дают возможности решить судьбу литературного наследия М. Жумабаева» (1968).

Но можно ли забыть Магжана таким путем? Очевидно, нет. Стихи Магжана живут, но одни считают их народными, не зная, кому они принадлежат, другие знают автора, но знают лишь для себя. Я надеюсь и даже уверен, что казахские писатели с помощью партийной организации Казахстана найдут возможность правильно оценить сложность ранних этапов истории своей литературы и вернуть в ее лоно творчество одного из галантливых сыновей.

...Восстановление творчества М. Жумабаева вовсе не означает оправдания алаш-ордынского национализма, как кажется некоторым казахским литераторам. Но я думаю, это настолько очевидно, что нет смысла специально эту мысль доказывать.

Уважаемый Динмухамет Ахметович!

Прошу Вас не корить меня за столь пространное письмо. Лишь одна у меня просьба — прошу прочитать и правильно истолковать письмо, написанное от чистого сердца старым писателем, который желает счастья и процветания казахскому народу.

С братским приветом

САЙФИ КУДАШ,
народный поэт Башкирии